

Сергей Мазур

Писатель в обществе: Марина Костенецкая и ее письма читателей

*...Писатель имеет в обществе существенное
преимущество перед людьми более светскими;
он может порядочнее и лучше мыслить.*

Василий Андреевич Жуковский

Идея написания предисловия возникла из-за несколько пренебрежительного отношения к архиву известного писателя и деятеля русской культуры в Латвии. Может быть это произошло по неведению, т.к. право публикации писем впервые получил именно наш Альманах, а может все произошло из-за старых обид. Как бы то ни было, Марина Костенецкая позволила мне работать с архивом, хранящим свыше 3000 писем. Обнародовать их полностью в нашем скромном издании представляется невозможным. К тому же их классификация, компьютерный набор и комментарии, которые, конечно же осуществляет сам писатель, требует тщательного труда и неимоверной усидчивости. Поэтому даже первое, весьма поверхностное знакомство с сорока шестью письмами, отобранными для новой статьи, несомненно, говорит об одном. Мы имеем дело с полноценным историческим источником, отражающим время конца 80-х гг. XX века, получившего в историографии название Атмоды.

Но нас в данной публикации будет интересовать не столько предпосылки, сопровождавшие политический процесс возникновения Второй латвийской республики, сколько судьба русской культуры. Как известно, в XXI веке культура — это частное дело каждого человека. Поэтому ее существование может не зависеть ни от политической элиты, ни от чуждых культуре средств массовой информации и даже школы, зато быть напрямую связанной прежде всего с русской интеллигенцией. 3000 писем Марине Костенецкой — это большое наследие, сравнимое, пожалуй, с личной перепиской архиепископа Иоанна (Поммера). Трудно представить такое большое количество писем, направленных какому-нибудь другому латвийскому писателю. А что же такое русский писатель в Латвии, как не русская интеллигенция?

Если писателем приходится быть в стране, где русское население исторически имеет

маловыразительное прошлое, то можно говорить о русской культуре, весьма отличающейся от российской и вынужденной особым образом считаться с культурой другого типа, притом считаться на таком высоком уровне, как литература и литературный язык. Но это только одна сторона литературной деятельности. Другая же, назовем ее культурологической, касается общественной роли уже не только писателя, а интеллигента. И тут мы встречаемся с неожиданным социокультурным парадоксом — писатель, занятый жизнью своего языка, посредством переводов оказывается внятн читателям другой культуры, в то время как «своими» читателями отвергается. Неважно, что речь идет не о беллетристике Марины Костенецкой, а о ее публицистике — и в этом случае перед нами знакомый миф о русском интеллигенте, заступнике перед властью и народном просветителе. Однако спросим в таком случае — к какой культуре отнести эту деятельность, об интенсивности которой и свидетельствуют письма читателей? И разве не будет при этом осмысленное отношения к наследию писателя и средством вхождения в культуру и нынешнюю?

Как бы странно ни звучало данное высказывание, вневременной и выходящий за рамки отдельных общин, государств и даже народов, разрывая границы, сословные и иные ограничения институт литературы еще пятьсот лет назад был способен на социальную деятельность.

История темы «Писатель в обществе» насчитывает, вероятно, не одно столетие. Еще до открытия книгопечатания в эпоху Ренессанса писатели и поэты открывали публичные библиотеки. Так, страстный библиофил Франческо Петрарка «Libri mei», свою коллекцию собранных рукописей, передал правительству Венеции на условиях, что его собрание станет доступным для всех желающих. Общедоступность для широкого круга граждан, вовлеченность правительств, церкви, монастырей, лучших архитек-

торов (Микеланджело Буонаротти и Якопо Сансовино (Татти) и возведение с их благословения грандиозных сооружений для свободного посещения горожан показывает: уже в Ренессансе литература несвободна от внимания со стороны городских коммун и их правительств.

В XVII и XVIII вв., к примеру, во Франции литература функционирует как самостоятельный социальный институт. Он касается не только крупных писателей, по праву занявших свое место в золотом фонде мировой культуры, но и писателей более скромных дарований, находивших свое место не только в книгах, но и в особенных отношениях с читателем. Так, Ретиф де ла Бретонн, живший незадолго до Французской революции XVIII века, уверовал в свою миссию писателя, способную отучить людей от неблагоприятных поступков. Ретиф вмешивался в окружающую жизнь непосредственным образом: бродя по ночному Парижу, он не пропускал ни одного уличного происшествия, стремясь помочь правым и покарать виноватых.

Даже в советское время, когда государство старалось не выпускать из-под надзора литературный процесс, литература как социальный институт, кажется, продолжала жить своей жизнью. И правила этой жизни складывались вопреки социальному заказу, по своей внутренней логике.

Трудно сразу подобрать удачное обозначение для дела литературы и писателя. Определение колеблется от псевдо- религиозного (писатель — жрец слова) до социального (писатель — инженер человеческих душ). И то и другое обозначение представляется лишь удачной метафорой, каждый раз используемой для удобного случая.

Как бы то ни было, Марина Костенецкая добилась признания (смотрите в приложении статью латвийского писателя Виктора Андреева «Жизнью своих героев»). Маховик социального института советской литературы имел четкую идеологическую программу формирования нового человека. Своего рода социальный заказ дошел над каждым пишущим, поэтому литературные эксперименты, связанные с отходом от идеологической программы или ее критикой, встречали противодействие не только ГЛАВЛИТа, но и надзирающих органов власти. Слишком велико идеологическое значение каждого человека в советское время. Поэтому писателю приписывали роль «инженера человеческих душ» (Юрий Олеся), по крайней мере хотели, чтобы он участвовал

в социальном конструировании нового человека.

Уж если не инженерами человеческих душ, то чем-то вроде исповедников-психотерапевтов для общества становились те, кто имел смелость проявить свою позицию. Таких писателей было много в России, были они и в Латвии. Несомненно, к этой плеяде пишущих относится и Марина Костенецкая. Борьба с цензурой за чистоту слова — часть авторской биографии Марины Григорьевны.

О ее читателях дает представление обширнейший личный архив писателя, насчитывающий свыше трех тысяч писем.

В истории Латвии, как было сказано, только архив выдающегося церковного деятеля Первой Латвийской республики архиепископа Иоанна (Поммера) может по количеству писем сопоставляться с собранием писем к Марине Костенецкой. Но если письма латвийскому владыке православной церкви носят преимущественно внутрицерковный характер, а логика возникновения обратной связи между их писателями и архиепископом тесно связана была с корыстным и деловым аспектом, то в случае писателя интерес у корреспондентов исключительно гражданский и интимно доверительный. Достаточно трудно представить подобного рода обращения к архиепископу. Там цель понятна: попросить въездной визы в Латвию, разрешить хозяйственный или церковный конфликт, попросить должность священника, пособие... Кажется, что главе церкви в Первой Латвийской республике вряд ли могли бы написать письмо богословского характера, спросить, как правильно молиться или как очистить совесть. И письма о совести, добре, зле и человечности отправляют писателю, виноватому только причастностью к мифу о просветительской и назидательной миссии литературы.

В публикации представлена корреспонденция, преимущественно относящаяся к Атмоде, т.е. периоду, непосредственно предшествующему провозглашению независимости Второй Латвийской республики.

Многие письма — это настоящая исповедь. Письмо журналиста Гунты Страумане: «...Я все же испытывала чувство глубокого стыда в те минуты, когда мы вели себя несправедливо по отношению к тем русским людям, которые были вместе с нами и раньше, и теперь плечом к плечу оставались стоять рядом». Письмо Айи Симане из Юрмалы: «Я вам верю... я хочу доверить вам не только эти немногие письма, но и всю свою жизнь, и судьбу всей своей семьи со всеми туго завязавшимися узлами...».

«Я думаю о суде над нашим поколением...» (Аустра Калниня, доцент инженерно-строительного факультета РПИ). К писателю обращаются не с конкретными просьбами, а ищут ответов на вопросы, к которым надо бы обращаться именно к священнику, отсюда и эмоциональный тон в письмах к Марине Костенецкой: «Пишу Вам это письмо в надежде, что хоть на несколько минут отвлеку Вас от мыслей, которые невольно возвращаются в Вашем сознании как результат тех инсинуаций, на которые, к сожалению, способен человек нашего общества. Да, действительно, еще далеко до того времени, когда слово «человек» можно будет писать с большой буквы, как об этом мечтал Горький!»

«О нет, не в друзья напрашиваться, а чем-то помочь выстоять смелому и благородному Человеку, который уже несколько лет так открыто идет в бой с самой страшной химерой всех времен — Равнодушием. Черствостью души человеческой» (Рената из Каунаса). «Вне всякого сомнения, самым прекрасным и дорогим языком является тот, что не зависит от слов — язык взаимопонимания; национальных преград для него не существует... Мне лично приходилось лечить людей разных национальностей. Антипатичных пациентов, даже своих врагов я спасал от смерти и тяжелых болезней. Поэтому, дорогая Марина, главное это сам человек, его физическая и духовная ценность» (врач из Риги А. Пайпалс).

Писателю, как и полагается для жанра мифа, приписывают даже сверхчеловеческие способности: «Вашей деятельностью я восхищаюсь уже давно. Это и Ваша глубокая заинтересованность в судьбах сирот, и активность в движении Милосердия, и взвешенный подход к национальному вопросу, но самое главное — пробуждение народной совести... Вы как человек и женщина, Марина, излучаете такую доброту, неповторимую, не знаю даже как бы это сказать, атмосферу. Я даже полагаю, что Вы обладаете даром экстрасенса».

Писатель читателями воспринимается как социальный реформатор, способный одним «своим именем что-нибудь сдвинуть с мертвой точки» (учительница из Салдуса З. Приедниене).

Основанное Мариной Костенецкой Общество русской культуры (ЛОРК) воспринималось как альтернатива Интерфронту, заведшему русское население Латвии в нравственный тупик: «Думаю, что священным долгом Вашего вновь организованного общества русской культуры должно стать спасение одурманенных Интерф-

ронтом людей» (рабочая завода из Риги Виктория Витола). Марине Костенецкой пишут как латыши, так и русские, ориентирующиеся на культуру русских 20-х, 30-х гг. XX века. Важен сам настрой писем, который с одной стороны идет от литературных и общественных тем Перестройки, а с другой отражает категории, посредством которых осмысливается история.

«Я человек некоммуникабельный, поэтому Ваше общество культуры счел единственным местом, куда через Вас хотел бы передать известные мне сведения о местонахождении могилы русского художника-передвижника Богданова-Бельского» (Эрик Бауне, член Народного фронта Латвии, член Союза Художников). «Я много путешествовала по территории СССР, и меня беспокоит заброшенность России. Хочу подсказать Вам, не могли ли и Вы бы поднять русских людей вокруг Вас, как это сделал с латышами Имант Зиедонис в Латвии?» (З. Приедниене).

Но миф о писателе как о миссионере культуры должен иметь и другую сторону. Писатель-пишущий оказывается отверженным, способным включаться в общество именно в силу своей отверженности (см. Барт Р. «Писатели и пишущие» // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М., 1994 — с. 133-141).

Тема отвержения писателя тоже проходит через все письма. После выступления Марины Костенецкой против закона о гражданстве в 1992 г. писатель стала получать угрожающие письма: «Предлагаемый Вами вариант предоставления гражданства всем, всем, всем означает смертный приговор латышскому народу... Вы, госпожа Костенецкая, при ваших знаниях во многих отраслях, во имя превратно понятого гуманизма, готовы обречь латышскую нацию на исчезновение» (О. Лаукманис).

В письмах поддержки обсуждается и тема врага: «... Как опасны Вы не только для врагов латышского, эстонского, немецкого и русского народа, но и для тех, кто жаждет уничтожить все народы и человечество как таковое». (23 подписи преподавателей Смиленского техникума). «Прочла в «Атмоде» за 6-е марта те ругательные письма, которые были адресованы Вам, и наткнулась на строчку: «А после они тебя и всех тебе подобных выбросят на помойку. Коли ты перед латышами пресмыкаешься». Я тоже латышка, и вы уж простите, но я в эти грязные игры играть не собираюсь, я никогда не выброшу на помойку доброе и светлое» (Лайма Либиете).

Можно говорить о наивности читателей, приписывающих литератору какие-то особые социальные и нравственные полномочия, можно говорить об искренней вере в свою избранность и у самого писателя, однако при этом мы должны забывать, что перед нами одно из интереснейших проявлений жизни самой культуры, не знающей ни национальных, ни государственных границ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Почти 35 лет тому назад в 1977 г. латвийская газета «Советская молодежь» опубликовала статью русского писателя Латвии — прозаика, поэта и переводчика Виктора Андреева (1927-1986) о молодом писателе Марине Костенецкой. К сожалению, на сохранившейся газетной вырезке не указана точная дата публикации. Воспользовавшись любезным разрешением Марины Григорьевны поработать с ее архивом, я обнаружил там и эту статью. В целом же архив представляет собой уникальное собрание писем и документов, вобравших в себя несколько насыщенных историческими событиями эпох, отстоящих от нас всего на несколько десятилетий.

Жить жизнью своих героев

Когда рассветало — а рассветало рано — прямо над головой раздавалось нечто вроде пулеметной очереди. Это часто-часто стучали клювами аисты, свившие гнездо на трубе деревянной баньки в рыбацком поселке Кестерциемс. Банька давно уже не использовалась по назначению, так почему бы и не сдать ее под жилье неприхотливым дачникам? Правда, на этот раз наниматель попался какой-то необычный — хотел жить здесь не только летом, но и зимой. Ну что ж, горожане, как известно, народ чудной — живите на здоровье...

Рабочий день начинался на рассвете, под трескотню аистов, под утреннее мурлыканье Мурциса — животного ласкового, но нахального и трусливого. Кот был отдан сюда «на воспитание», и как только его новая хозяйка садилась за письменный стол, он вскакивал к ней на колени и начинал ловить лапой возникающие на бумаге буквы. В отличие от гофманского кота Мура Мурцис читать не умел. А жаль! Ведь писалось и про него. Рассказ назывался «Белые дюны», и одним из его «героев», выведенных под своим настоящим именем, был он, Мурцис.

Рассказ вошел в книгу Марины Костенецкой «Завтра на рассвете» и недавно издательство

ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» присудило ее автору премию за лучшую книгу 1976 года.

Но еще раньше пришло признание читательское. Пришло, когда на прилавках книжных магазинов появилась «Луна Холодного Лица» — книга с необычным названием, необычно просто повествовавшая о необычной жизни. Современного читателя трудно удивить необычностью, он искушен, изощрен и зачастую пресыщен, но что-то притягивало к этой книге. Быть может, сама личность автора?

«Уже первые литературные произведения Марины Костенецкой, ее рассказы о Чукотке вызвали пристальный интерес, потому что это было свидетельство человека, побывавшего там не в качестве наблюдателя, а активно включившегося в работу, жившего одной жизнью с местным населением, ставшим своим человеком в тундре», — говорит первый секретарь правления Союза писателей Латвии Гунар Приеде.

Я никогда не спрашивал Марину Костенецкую о ее творческом кредо. Но уверен, спросите ее об этом, она скажет: жить жизнью своих героев.

...«Луна Холодного Лица» существовала еще только в рукописи, а автор еще только выкарабкивался из болезни, которая, выражаясь языком медиков, грозила «летальным исходом», когда я встретился с Мариной в санатории «Дикли». Главврач был стар, раздерган жизнью и все время, как присказку повторял: жизнь — цирк, люди — клоуны. Я записал на магнитофон его интервью для радио. Когда оно было передано в эфир, работники санатория не скрывали своего раздражения: мало того, что их «главный» говорил недопустимо сбивчиво, он больше распространялся о своей любви к Шаляпину, чем о методах лечения, об успехах коллектива и прочем, что говорится в подобных случаях. И вот я читаю рассказ М.Костенецкой «Возрадуемся». Пронзительно грустный? Да. Но только потому, что он пронзительно верный. И... недосказанный рассказ.

«Он вспоминает, что прежде, чем ложиться, надо навеститься в процедурную к дежурной санитарке. Медсестра, пожалуй, уже спит. Дремлет чутко под казенным одеялом в халатике и чулках. Она имеет официальное право на этот жесткий топчан в кабинете физиотерапии, без права сна в санатории дежурит только санитарка, но всякое может случиться ночью, хотя бы спонтанное кровоотечение — тут уж не до чулок будет... А ботинки лучше переобуть, чтобы не слишком топтать в коридоре...»

Навеститься в процедурную... Да, и в процедурную тоже. Но прежде всего главврач навещается к своей необычной пациентке, хотя

что уж тут такого необычного: жизнь — цирк, люди — клоуны. Он так и говорит ей, входя в отдельную палату. Отдельная — это привилегия тех... В общем, здесь никто не завидует отдельной палате.

Без четверти двенадцать ночи. Полагалось бы напустить на себя невероятную строгость. Спросить: почему ты не спишь?

Он спрашивает: почему ты не работаешь?

— Я написала сегодня шесть страниц, — устало говорит пациентка.

— Ты можешь писать больше! Ты можешь, можешь, можешь...

И они говорили — долго, подробно, честно. Вопреки всяким и всяческим медицинским предписаниям и правилам. Я понимаю, напиши об этом в рассказе, и не будет конца упрекам и обвинениям. Не в твой адрес, а в его... Но финал этого разговора в рассказе есть:

«И тогда он начинает негромко смеяться, потому что на финише жизни оказывается вдруг в пустынном ночном коридоре победителем... Возрадуемся. Возрадуемся, пока мы молоды».

Он победил в другом человеке.

«Земной Вам поклон за то, что вернули счастливую возможность ждать чего-то от жизни человеку, уже ничего не ждущему», — это из письма читательницы. Кстати, она указывает свой возраст — ей пятьдесят лет. Указывает, зная, что автору книги почти на два десятка лет меньше. Случайно? Или к ней тоже перешла частица души? Как бы то ни было, суть та же: возрадуемся! Мы обрели уверенность.

Но главным образом пишут молодые. Я не стану цитировать многочисленные письма, где просто восхищаются и говорят спасибо. Вот нечто более сложное:

«Я никогда не ночевала в палатке, не тащила 20-килограммовый рюкзак, не знала, что такое, когда кончились продукты и поднимается пурга. Подскажите, как морально и физически подготовить себя к настоящей захватывающей жизни, если тебе 22 года и ты немножко неврастеник и меланхолик, не имеешь разрядов, образования, с детства не представляешь, как можно жить без ванны и горячей воды. Как бросить все это: свои мещанские привычки, мечтательность отвлеченную, теплое рабочее местечко, одиночество во всех отношениях, застенчивость, робость, угнетенность, отвращение к обывательщине и одновременно подчинение ее законам... Вот что не дает мне покоя и заставляет написать все-все Вам, писательнице».

Мечтательность, застенчивость, робость... Такие люди редко пишут письма к совершенно незнакомому человеку. Но ведь написала же! Значит, такой оказалась книга, что заставила

превозмогать и застенчивость, и одиночество, и чужой незнакомый мир вдруг стал таким привлекательным, таким зовущим, что не написать не могла...

Так в чем же секрет?

«Недавно в гостях один старый моряк рассказывал о Чукотке... о том, как страшен «южак», о том, что он ни разу не зашел в ярангу, потому что там грязно... а я подумала: «А моя Марина там жила месяцами».

Это тоже из читательского письма. И обратите внимание, чужой человек пишет: моя Марина...

Вот именно потому, что «моя», и отступают на задний план робость, меланхолия и тоска. И меня уже не удивляет, когда люди, даже не очень хорошо ее знающие, говорят: наша Марина...

Я думаю, что то же самое скажут и зарубежные читатели — ее рассказы переведены на чешский и польский, переводятся на шведский — ведь язык добра и человеческого самопожертвования един, и едины требования к писательскому мастерству: будь талантлив!

И вот что сказала известная русская советская писательница Майя Ганина в предисловии к книге «Завтра на рассвете»:

«Чтобы написать хороший рассказ, требуется высокое литературное мастерство, когда в одном абзаце необходимо уместить столько информации, сколько могло бы хватить на целую главу в ином романе».

Это сказано и вообще, и в частности — о рассказах Марины Костенецкой.

И еще. Марина — это самоотдача. Полностью, целиком, почти до экстаза. Вот она за гончарным кругом. Естественно, Цесисские керамрики считают ее «нашей Мариной». И согласись она сменить профессию... Впрочем, как-то она попыталась ее сменить. Поступила на медицинский. Десятилетка была далеко позади, и пришлось сидеть над учебниками днями и ночами... Она говорит, что сдало здоровье, я думаю, что одолело призвание. Как бы то ни было, жалеть об этом не приходится. Жалуют об этом кестерциемские рыбаки: давление измеряла, уколы делала, большое облегчение было...

В Лоде, под Цесисом, есть конный завод. Есть требовательный тренер Алда Бормане. Нет, нет, своих лошадей она не доверит никому. Но вот же Арса с Мариной... Так ведь это же наша Марина!...

— Да, наша Марина, — задумчиво говорит Гунар Приеде. — Ее вторая книга «Завтра на рассвете» нас очень порадовала. Марина стала настоящей писательницей, которой есть что сказать, и которая умеет это сказать. Она заслу-

женно получила премию года. Нас радует и то, что еще до такого официального признания мы приняли ее в Союз советских писателей. Вы спрашиваете о ее творческих перспективах? Помоему, это отличные перспективы. Марина в совершенстве владеет не только русским, но и латышским языком — она ведь родилась и выросла в Риге — поэтому мы смотрим на нее и как на потенциального переводчика латышской прозы. И не случайно мы доверили Марине Костенецкой руководить отделом прозы в литературном журнале «Даугава», который будет выходить на

русском языке. Уже сейчас мы очень довольны ее работой. Она хорошо ориентируется в современной латышской и русской прозе, у нее отличный литературный вкус.

Я думаю, что многое ей дали Высшие литературные курсы в Москве, которые она заканчивает в нынешнем году. Но главное, конечно, в том, что она будет писать. Мое пожелание? Хотелось бы, чтобы темы, связанные с жизнью нашей республики, занимали все большее и большее место в ее творчестве.

В. Андреев